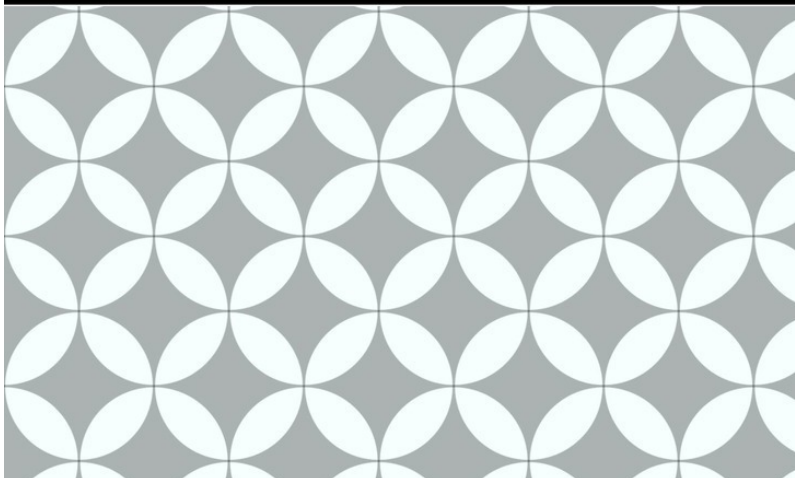

Сергей Степанов-Прошелец

Байки без утайки

Рассказы. Смешные и не очень

Сергей Степанов-Прошелецев

Байки без утайки. Рассказки.

Смешные и не очень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43114340

ISBN 9785005007810

Аннотация

Жанр этой книги можно определить как мемуарная литература. А можно и как байки их жизни. В ней много было всего: и смешного, и грустного. Где улыбнуться – это каждый определит сам.

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ	5
Рассказки смешные и не очень	6
1.МОИ ПЕЛЁНКИ	6
2. ПРИКОЛЫ ОТ ШКОЛЫ	11
Пацанячья месть	14
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Байки без утайки
Рассказки.
Смешные и не очень**

**Сергей Степанов-
Прошелец**

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0781-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ- ПРОШЕЛЬЦЕВ

СО МНОЮ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ...

Рассказки смешные и не очень

1.МОИ ПЕЛЁНКИ

В детстве я хотел стать клоуном. Не вышло. Но в жизни моей было много смешного. Как, впрочем, и горького. Но это – отдельная тема.

Боятся ли дети чертей?

Я родился в Сибири, в посёлке Сузун. Оттуда наша семья перебралась в Черепаново. Этот город поближе к Новосибирску и более цивилизный..

Тогда мне было четыре года. Страшная жара, а я в тёплом шерстяном костюмчике (берегли от воспалений легких). Мы идём с бабушкой. Она покупает медовую коврижку. Вкус её помню до сих пор.

Мы проходим мимо железнодорожной станции. Гудки паровозов (тогда еще ни электровозов, ни тепловозов не было в помине). Какой-то памятник прямо на перроне. Кинотеатр. Крутят фильм «Ночь перед Рождеством». Старый немой фильм 1913 года режиссера Владислава Старевича. Это был точно не мультик, созданный в 1951 году сестрами Брумберг. Но мне фильм не нравится. Я начинаю плакать. Вокруг возмущаются:

– Выведите его!

– Ты боишься чёрта? – спрашивает бабушка.

– Нет, я его не боюсь, – отвечаю я. Просто хочу в туалет.

Почему я полюбил верблюда

В Новосибирске мы жили в доме барачного типа, который стоял на краю большого оврага. Отец купил его по дешёвке, так как дом мог в любое время рухнуть в татарары. Он был очень холодным – стены промерзали; чтобы лечь в постель, грели простыни у печки.

Во дворе росло много лопухов. Играть было негде и не с кем. Я подолгу сидел у обрыва и смотрел вниз, где самосвалы сгружали мусор. Было очень тоскливо.

Однажды отец сводил нас с сестрой в зоопарк. Я впервые увидел верблюда. Именно он мне почему-то запомнился больше всего. Потому что далеко плевался. Я так не умел, хотя очень старался. Не получалось.

Как отец курить бросил

Этот котенок появился у нас в Черепаново. Назвали его Фомкой. Мы полюбили друг друга, спали, обнявшись, ели из одной тарелки, когда родителей не было. При них это было делать нельзя: они пугали глистами, и кот дипломатично удалялся. Умным был, всё понимал.

Фомку, уже взрослого, привезли из Черепанова в Новосибирск. Отец курил, но с табаком тогда были большие про-

блемы. Где-то удалось раздобыть махорки. Отец набивал ею папиросные гильзы. Но курил и жаловался, что табак плохой, чем-то припахивает. Это продолжалось до тех пор, пока он не застал Фомку, который повадился справлять нужду в коробке с махоркой. Кот получил хорошую трёпку, но отец после этого как-то очень резко бросил курить.

Почему вождь не всем товарищ

Одно из самых первых детских воспоминаний. Хмурый, метельный ноябрь. Красное число в календаре. Военный парад в Новосибирске. Я сижу на широких отцовских плечах, смотрю, как косой стеной валит снег, как печатают шаг статные гвардейцы, как реют на ветру знамена и флаги.

– Кто это? – спрашиваю я, показывая на огромный портрет человека с усами и лукавым прищуром глаз.

– Тише, – говорит отец. – Это – наш вождь, товарищ Сталин.

– А почему он нам товарищ? – не унимаюсь я – в пять лет все мы почему-то.

– Молчи и смотри, – осаживает меня родитель. – Он товарищ всем, кто за справедливость.

– Значит, он не всем товарищ, – делаю я далеко не детский вывод. – Вовка вчера откусил от моего яблока, значит, он не товарищ Вовки.

И тут я неожиданно получаю увесистый шлепок. Я до сих пор не понял, за что.

Город Каина

Некоторое время мы жили в Куйбышеве (это не Самара, а город в Новосибирской области). Там на сестру однажды напали индюки, когда она возвращалась домой из школы. Окружили плотным кольцом. Ещё минута – и они бы заклевали, поскольку не любят красный цвет, а пальто у Нели было с его оттенками. Каким-то чудом ей удалось убежать.

Говорили, что индюки появились здесь благодаря декабристам. В городской арестантской тюрьме Куйбышева саживали и пугачёвцы, и декабристы, и петрашевцы, и народо-вольцы, и польские повстанцы, но индюков не было. Здесь отбывал ссылку Валериан Куйбышев, меня водили в музей, где было много его вещей и фотографий. После Великой Отечественной войны в Куйбышеве жили сосланные калмыки. Их было довольно много. Они пили чай с молоком, бараньим салом и солью.

Сосед-калмык утверждал, что он очень полезен, принёс его нам попробовать. Налили чашку и мне. Я попробовал и долго плевался – как тот верблюд в новосибирском зоопарке.

Куйбышев, который до сего дня не поменял свое название, расположен на притоке Иртыша – реке Оми. До 1935 года это был Каинск, и надо сказать, именно здесь появился на свет один из убийц семьи Николая II – каин по имени Янкель Юровский. Отец его, Хаим, родился в Полтаве и был

сослан в Сибирь за кражу. Впрочем, библейский Каин имеет к Каинску-Куйбышеву лишь косвенное отношение. «Каен» по-тюрски означает «берёза».

Мы поселились возле церкви со снятыми крестами, которую приспособили под склад зерна. Под крышей обитало множество воробьёв. Большие мальчишки стреляли по ним из рогаток.

Много лет спустя я узнал, что Максим Горький упоминал о городе Каинске в своей книге «Жизнь Матвея Кожемякина

2. ПРИКОЛЫ ОТ ШКОЛЫ

Будённовск

А потом мы уехали из Сибири на Кавказ. Я постоянно болел, мне требовалось поменять климат. После долгих мытарств осели в Будённовске, история которого теряется во мгле времён. Люди селились здесь еще во втором тысячелетии до нашей эры. Сарматов сменяли аланы, аланов – хазары, хазар – золотоордынцы. В огороде я находил старинные монеты. Был даже древнеримский банный жетон. А что касается монголо-татарских, то они не помещались в две пригоршни.

В городке этом вода была только артезианская. Речку Куму воробьи переходили вброд своими ногами. До Каспийского моря, куда она впадала много тысяч лет назад, сегодня Кума просто не добирается – теряется где-то в песках. Когда-то сюда, спасаясь от турецкой резни, перебрались армяне. Они селились компактно, половина города и сейчас еще носит название Карабагла.

В шести километрах от Буденновска располагался знаменитый на всю страну совхоз «Прасковейский». Вина, которые здесь производились, постоянно занимали первые места на международных выставках и награждались золотыми медалями – «Мускат Прасковейский», «Янтарь Ставрополя», «Белое Прикумское», остальные уже не помню.

Я никак не мог понять, почему рабочие ездят в Прасковею одетые в пальто в любое время года. На дворе – почти 40 градусов, жара, а они – в пальто. Но потом всё выяснилось. В пальто были защиты грелки, и ушлые ребята уносили вино тоннами. Платили им, как мне помнится, что-то около 80 рублей, но никто не увольнялся.

Дом на Революционной

Меня поражало то, что фруктовые деревья росли прямо на улицах. Спелый тутовник падал под ноги и растекался на асфальте белыми и фиолетовыми кляксами. В диковинку было, что абрикосы никто не рвал. Отродясь не видел я и цветущих акаций.

Мы поселились в доме на улице Революционной. Дом этот трудно было спутать с другими – к нему притулилась будка сапожника. В ней священнодействовал пожилой армянин. Его звали то ли Самвелом, то ли Суреном.

Дом был на двух хозяев, удобства во дворе. Еду готовили на примусе, а позже на керогазе. Керосиновая лавка находилась неподалеку. Обнаружить её можно было по специфическому запаху. Мальчишки рассказывали, что продавец керосина, китаец, настолько отравился керосиновыми парами, что пьянел даже от газировки.

Во дворе жило семейство ежей, которые выходили на прогулку и пугали кота Мурзика. Приблудившегося щенка отец назвал Примусом. Мурзик встретил его настороженно, вы-

гибал спину в виде вопросительно знака, шипел, но, уразумев, что угрозы от этого добродушного создания не исходит, принял в друзья.

За домом простирался пустырь, поросший лопухами и бурьяном. Он плавно переходил в хаотично натыканные дома параллельной улицы Московской. В одном из них жил мой приятель Виктор Шапоренко. Чуть дальше, на углу улиц Октябрьской и Пушкинской находился задний фасад Дома пионеров. Он в то время был закрыт на ремонт, но не ремонтировался, и мы, мальчишки, беспрепятственно проникали на его чердак, где был свален какой-то хлам. Начитавшись Гайдара, я даже намеревался оборудовать там штаб наподобие тимуровского.

Пацанячья месть

Я был влюблён в одноклассницу Лену Муравьеву с рыжей толстенной косой и, как я, конопатую. Но летом меня отправили в пионерский лагерь. Я, кажется, перешёл тогда в четвертый класс. Мы жили в палаточном городке, и я не ладил со своими соседями. Не помню, в чем была причина, но они вчетвером напали на меня. Я отбивался, но мне всё же поставили фингал, и я ходил, офанаря окрестность. Синяк был такой большой, что от меня шарахались. В том числе и Лена Муравьева.

Я страдал, и потом отомстил. Когда в Буденновске выпал снег (это там бывало тогда довольно редко), я вытоптал у её дома аршинными буквами такую надпись: «Лена, я тебя больше не люблю».

Снег до утра не растаял. Но и Лена меня больше не любила. Впрочем, я переживал недолго. В детстве ничего не пугает, даже смерть.

Витькин дед

Самым верным своим другом я считал Витю Шапоренко, который воспитывался без отца. Его матери сделали неудачную операцию – у нее была спайка кишок, и она, высохшая как мумия, заботиться о сыне не могла. А когда умерла, опе-

кунство над внуком оформил дед.

Дед Виктора был безногим – немецкий снаряд под Ельней разорвался буквально рядом с ним. У него были деревянные протезы кустарной работы, которые страшно скрипели. Но зато у деда была инвалидская машина. Драндулет, который демонстрируется в «Операции «Ы». И дед-пердед, как мы звали его за глаза, возил нас с Витей на рыбалку.

Рыбачил Витькин дед, как правило, на Буйволе. Сейчас озеро входит в городскую черту Будённовска. Но было и другое озеро, километрах в двадцати от города. Самое его любимое, поскольку зараз он вылавливал там по 5—6, а иногда и больше килограммов рыбы. Озеро было небольшим, в начале лета мелководе зарастало тростниковыми плавнями, покрывалось, как ряской, плотным ковром водорослей, но потом от них избавлялось. Дед в это время ловил карпа, карася, плотву, а в апреле попадался и окунь, правда, мелкий. Как бы там ни было, рыба помогала деду выжить на нищенскую пенсию. Но дед считал рыбалку удачной только в том случае, если удавалось поймать уклейку или белого амура. Ну а когда он выуживал судака, – это был настоящий праздник.

Под его присмотром мы купались, но научить нас плавать из-за своих протезов Витькин дед не мог. Он курил самые дешевые короткие сигареты под названием «Новые». Вставлял их в мундштук. От никотина у него были желтые даже ладони. Окурки вытряхивал в специальный мешочек, потом

их разделявал и неиспользованный табак набивал в патроны для папирос. У него ничего не пропадало. Из рыбьих голов, которые обычно выбрасывали, варил холодец.

Витькин дед никогда не рассказывал о войне, а когда мы его об этом просили, злился. Я видел его пьяным только один раз – в День Победы, который был объявлен праздником много позже. Дед съездил на базар и купил четыре чайника вина (вино почему-то тогда продавали из чайников), причем со скидкой. Получилось ровно ведро. Чтобы оно не расплескалось в дороге, дед отпил литра полтора и поехал на своем драндулете мимо постового на перекрестке, да еще и посигналил ему. Постовой деда знал и дал ему отмашку: дескать, понимаю, что ты нетрезв, но в честь праздника прощаю. Дед выругался и сказал:

– Дурак ты, ничего не понимаешь. Иди ко мне, а то мне на протезах нести ведро тяжеловато. Иди, выпьем.

– Не положено мне, я при исполнении, – как-то неуверенно стал отнекиваться милиционер.

– Ты же ведь воевал, – настаивал дед. – Сержантом, кажется, дембельнулся. С орденом Славы. И ты меня проигнорируешь? Старшину, который командовал такими, как ты?

– А если кто увидит? Выгонят тогда меня в три шеи.

– А ты на меня сошлись. Скажи, что дед Шапоренко приказал, как старший по званию...

Я видел его позже. Ведро с вином уже было почти пустое.

– Наверно, зажился я, на этом свете, – сказал он мне

и вдруг затянул казачью песню:

*«Ой, да запрягу я тройку борзых,
Эх, да самых лучших лошадей,
Ой, да и помчуся я в ночь морозну,
прямо, эх, к любушке своей...»*

По лицу его катились крупные слезы, он промокал их бабушкиным фартуком, и я тихо ушел, чтобы ему не мешать. Я понял, что этому человеку крайне нужно побыть одному.

Бутерброды для бродячей собаки

Тогда в школах не было буфетов, мама отправляла меня на уроки с бутербродами. И за мной каждый раз увязывалась бродячая собака. Она была доброй и всегда голодной, и мне было её жалко. Я скармливал ей свои припасы. К тому же обнаруживать их при одноклассниках, поскольку многим из них ничего с собой из еды не давали. Нищета тогда в маленьком провинциальном городке, каковым являлся Буденновск, была ужасающая.

Однажды я ушёл в школу, забыв бутерброды. Собака шла за мной и недовольно ворчала. Я извинился, сказал, что покормлю в следующий раз. Но собака упорно шла за мной, и я попытался её отогнать. Топнул ногой. И она меня укусила. И смертельно обиделась. На следующий день вообще исчезла. Потом мне сказали, что её отловил собачник, который разъезжал на телеге с будкой. Он получал какие-то копейки, когда сдавал собачьи трупы на мыловаренную фабрику.

Мы, мальчишки, его ненавидели и один раз украли колесо от его телеги. Собаколов нажаловался участковому, тот, в свою очередь, нашим родителям. Кого-то поколотили. Со мной провели профилактическую беседу.

Раиса-Крыса

Я учился хорошо до седьмого класса. Но вскоре всё изменилось. Ушла в декрет наша любимая классная руководительница, и ее заменила некая Раиса Платоновна, про которую ходили очень нехорошие слухи. В годы войны, когда румыны, квартировали в Буденновске, она якобы сожительствовала с вражеским офицером. Слухи эти не подтвердились, но молва людская все равно талдычила своё. И по возрасту Раиса Платоновна подходила под создаваемый образ. В годы войны ей было меньше двадцати.

Наши пути с Раисой-Крысой пересеклись снова. В школе был драмкружок, и я в него записался. Кружком руководила Крыса. И она предложила мне роль немецкого шпиона, которого разоблачают пионеры.

Спектакль был встречен хорошо. Но меня после него прозвали Шпионом и отпускали всякие дурацкие шуточки. Я обиделся и перестал ходить на занятия кружка.

С приходом Раисы-Крысы многое изменилось. Она встретила неприятие. И стала ставить двойки направо и налево. В том числе и мне, отличнику. И я взбрыкнул. Стал вообще неуправляемым. Возможно, тут виной переходный возраст,

возможно, пробуждающийся темперамент. Я грубил, делал все наоборот и стал, как было принято тогда говорить, трудным подростком. Я вообще перестал учить уроки и всё время проводил за пишущей машинкой отца, когда его не было дома. Я печатал двумя пальцами свои стихи. Они, конечно же, пропали. Но, наверное, это хорошо.

Тая Бакланова и Рита Зеннова

Однажды в нашем классе появилась новенькая – Тая Бакланова. Она приехала, кажется, из Москвы и поразила всех нас своей сшитой, видимо, на заказ школьной формой, которая подчёркивала её стройную фигурку и была гораздо короче, чем у остальных девочек. А ещё нас поразили аккуратный атласный фартучек.

Вот тогда я влюбился по-настоящему и даже ночью думал о новенькой. Писал в своей заветной тетрадке с зелёной обложкой:

*Бакланова Тая, в тебя я влюблён,
я вижу тебя в забытых.
Тебе посылаю привет и поклон
и эти стихи мои.*

Но никаких стихов, никаких записок я, конечно же, не посылал. Тем более, что недели через две Таю увезли снова в Москву.

Дружба мальчиков с девочками тогда не особо поощрялась. Но Толик Лыкин проявил значительно больший праг-

матизм, чем я. Он написал записку Люде Паниной с предложением стать друзьями. Она согласилась. После школы Толик стал провожать её домой. Этим практически дружба и ограничивалась. Правда, пару раз они сходили с Людой в кино.

Толик, уже поднаторевший в отношениях с противоположным полом, спросил у меня однажды:

– А ты почему не хочешь дружить с какой-нибудь девочкой?

Я мялся, не зная, что ответить.

– Неужели ты не видишь, что Рита Зепнова с тебя глаз не сводит? – снова спросил он.

– Нет, – вконец растерялся я.

– Все в классе видят, а он не видит. Протри глаза.

Я стал приглядываться к Рите. Действительно, я ей симпатизировал. Но я робел. Совет Толика предложить ей дружбу был не реализован. Да и к девочке этой никаких чувств я не питал. Мне казалось она немного грузной, а моим идеалом были девочки-худышки вроде Таи Баклановой.

Тогда Толик взял дело в свои руки.

– Ну если ты сам боишься ей написать записку, я скажу Люде, а она передаст Рите всё на словах.

– Не надо этого делать, – попросил я.

– Надо, – упрямылся Толик. – Как только Тая Бакланова уехала, ты ходишь сам не свой. Вот и подружись с Ритой. Клин ведь клином вышибают.

– Ладно, – сказал я обречённо. – Твоя взяла.

И мы стали дружить. Правда, дружбой это назвать было трудно. Просто Рита стала ходить в наш двор и играть в нашей дворовой компании. Но мы с ней даже за руки не держались.

Вскоре я уехал из города. Прошло девять лет. Работал в газете, и судьба меня привела снова в Будённовск. В командировку. Нашёл своего друга детства Виктора, который работал на узле связи. Он дежурил ночью, и мы с ним крепко выпили, после чего я начал звонить своим одноклассникам. Позвонил и Рите. Удивительно, но спустя столько времени, она меня сразу узнала. Объясняю это синдромом жителей городков в табакерке, где каждый знает каждого и где не происходит никаких событий. Время здесь замирает.

Молодое вино

В тот свой приезд мне захотелось посмотреть на дом, где обитала моя семья. Он никуда не делся. Более того, как стояла раньше возле него будка сапожника-армянина, так и стоит. И он в ней – всё такой же, только постарел немного.

Увидел меня, несколько не удивился.

– А, это ты!

Я поздоровался, лихорадочно вспоминая, как его зовут. То ли Самвел, то ли Сурен... Но так и не вспомнил. А он пригласил в свой дом, который тоже был в двух шагах. Принес вина. Спросил:

– Ничего, что оно ещё молодое? Выпьешь?

И налил себе и мне по стакану.

Вино ещё «играло», но в жару это было самое то. Мы выпили за встречу, за всё хорошее, за здоровье, за хозяина и ещё за что-то, и я решил откланяться. Хотел встать – не тут-то было. Вино ударило в ноги, хотя голова была ясной.

Сурен – всё-таки сапожника звали Суреном – прятал улыбку в густые усы.

– Это вино коварное, но действует недолго. Сейчас всё пройдёт.

Но он лукавил. Не прошло! По дороге в гостиницу я потерял туфель. Понял это не сразу. Правда, нашёл, слава Богу

Город, без каких нельзя

В Ставрополь мы переехали, когда я учился в восьмом классе. И этот город я полюбил сразу и навсегда.

В то время Ставрополь был городом совсем небольшим. Он возник из казачьей станицы. Здесь проживало меньше 150 тысяч человек. И даже трудно было представить, что в годы гражданской войны это была столица Ставропольской советской республики.

В городе жили и живут сейчас довольно много армян, греков, азербайджанцев, татар, есть и представители других национальностей. И здесь сложился свой, особый говор. Меня удивляли, к примеру, вопросы «Где ты идёшь?» вместо «Куда идёшь?» глухое «гэ», больше похожее на «хэ» и многое

другое. Но потом я перестал удивляться, но на глухое «гэ» так и не перешёл, и меня часто принимали за москвича, хотя я и не «акал».

Штурм веранды

На юге это в порядке вещей. В Буденновске летом спали не только на балконах, но и на крышах. В Ставрополе тоже.

Мы дружили тогда всем двором (рядом стояли две «хрущевки» и один четырехэтажный дом для VIP-персон). Развлечений тогда было мало. Телевизоры имели не все – это считалось роскошью, и мы, мальчишки, состязались в том, кто быстрее по балконам заберется на крышу. Это, конечно, было рискованно, но страха смерти, когда тебе 14 или 15 лет не испытывают.

Я был влюблен в Эллочку Михалюк, которая жила в том самом элитном доме на третьем этаже. И вот Элла как-то заявляет нашей братии:

– Я сегодня буду спать на верпнде.

– А я к тебе залезу, – сказал я.

Элле нравился не я, а Слава Красильников. Он по каким-то причинам отсутствовал. И девочка выразила сомнение, что я это смогу сделать.

Ночью я решил доказать, что она не права. И влез по водосточной трубе на третий этаж. Забрался на лоджию. Там действительно кто-то спал на раскладушке, укрывшись с головой. Я подошел и начал тормошить спящего. И оказалось,

что это не Элла, а ее отец!

Он был близорук и ничего не понял вначале. Потом уставился на меня и сказал:

– Иди отсюда!

И я пошёл – тем же путем. По водосточной трубе. Но она оторвалась, и я сильно поранил руку. К счастью, ничего не сломал.

Утром все только и говорили о злоумышленнике, который хотел ограбить квартиру Михалюков. О том, кто был этим злоумышленником, знали только два человека: я и Элла. Но она молчала. Даже Славе Красильникову не сказала. Зауважала, что ли?

Страшный зверь по имени лошадь

После окончания восьмого класса я попал на турбазу в Теберду, где отдыхали в основном студенты. Все они были гораздо старше меня, и я, честно говоря, скучал по общению со сверстниками. Студенты решали свои проблемы: влюблялись, прогуливались вечерами парами, пели песни у костра, спорили. А меня всерьёз никто не принимал. Больше того – надо мной всячески подтрунивали.

И вот как-то отправились мы в поход на Бадукские озёра. Места там очень красивые, вода – голубая, даже когда в стакан её наливаешь, снежные шапки гор, рододендроны цветут. Воздух какой-то медовый – не надышишься.

Бадукские озера расположены на высоте двух тысяч метров в зоне альпийских лугов. Путь туда неблизкий. Углубляясь в лес, дорога идёт параллельно реке, хорошо виден Главный Кавказский хребет с двуглавой вершиной Софруджу и скалистой пирамидой Белалакаи. А дальше – только тропа, крутой подъём, ведущий к первому озеру. За ним второе, третье и четвёртое.

Дальше тропа уходила в сторону пятого и шестого Бадукских озёр, но наступал вечер, и здесь было решено переночевать. Мы разбили лагерь на лесной поляне и легли спать.

Ночь была лунная, тёплая. Однако сон не приходил – комарьё так и вилось надо мной. Я отвернул полог палатки и вышел на свежий воздух.

Тишина в горах удивительная. Даже птиц не было слышно. Летучие мыши – и те куда-то попрятались. Ни ветерка, ни малейшего движения воздуха.

И вдруг до меня донеслось какое-то сопение. Кто-то тяжело переступал с ноги на ногу. Причём где-то близко. «Уж не медведь ли?» – мелькнуло в голове. Но страха не ощущал.

Я обогнул палатку и вышел на середину поляны. Что-то большое и тёмное маячило рядом. И, несомненно, живое. Подкравшись поближе, я спрятался за ствол дерева. Большое и тёмное оказалось стреноженной лошадью. Но откуда она взялась на поляне, где поблизости не было никакого жилья?

Впрочем, эта мысль занимала меня недолго. Её заслонила другая...

В своём кармане я нашёл два кусочка сахара. Один дал лошади сразу, а другим приманил её к палатке, где спали мои недоброжелатели, и привязал её верёвкой к колышку.

Лошадь сначала вела себя тихо, а потом стала щипать траву и топтаться вокруг палатки. Кто-то из студентов, услышав непонятный шум, проснулся и, откинув полог, выглянул наружу.

В эту минуту лошадь тоже подняла голову и уставилась на студента. Тот, конечно же, спросонок ничего не понял: огромная мохнатая морда, глаза навывкате.

Раздался истошный крик. Испуганная лошадь рванула верёвку. Палатка сложилась.

Я умирал со смеху, а студенты орали как резаные. Лошадь, протаскив их вместе с палаткой несколько метров, наконец-то отвязалась и растворилась во тьме, словно её здесь и не было. Обитатели других палаток, разбуженные криками, высыпали на поляну, вооруженные альпенштоками.

– Что это был за зверь? – спросил меня студент Ростовского университета Слава, который всё время надо мной подшучивал. Он был не на шутку напуган.

Я снисходительно улыбнулся и похлопал его по плечу.

– Не бойся, Слава, – сказал я ломким фальцетом. – Это была обычная лошадь.

Школа «церковно-приходская»

Никита Хрущёв наворочал столько, что потом после него

разгребать пришлось долго. Одна из его, с позволения сказать, реформ коснулась среднего образования. Если раньше после окончания семилетки можно было поступать в техникумы, или же продолжать учёбу в школе, где аттестат зрелости выпускник получал после окончания десятого класса, то с 1962 года страна переходила на восьмилетнее и одиннадцатилетнее обучение. С девятого класса вместе с учебой вводилось производственная практика. Выпускнику вместе с аттестатом должна была присваиваться и рабочая квалификация. Таким образом, Хрущёв украл у меня не год, а даже два, потому что после его отставки срок армейской службы тоже был укорочен. Мне же пришлось служить не два, а три года. В общем, повезло как утопленнику. Был и ещё один неприятный сюрприз. Уже сдав экзамены за семилетку, мне и моим ровесникам пришлось сдавать экзамены и за восьмой класс.

Самое печальное во всём этом было то, что школу, где мы учились, сделали восьмилеткой, а всех, кто не поступал в техникумы, перевели в другую школу. Эта школа была рядом с Андреевской церковью. Собственно говоря, она даже вплотную примыкала к ней, и только глухая высокая ограда отделяла вход в нашу школу от входа в храм. Нередко во время уроков слышался звон колоколов, которые поначалу мы путали со звоном школьного колокольчика, возвещающем о перемене.

Школу эту мы называли церковно-приходской, здесь учи-

лись дети далеко не самых образованных и интеллигентных родителей. В параллельном классе мне показывали юную проститутку по имени Поля, много было хулиганья. Но все, кто перешёл сюда из 25-й школы, всегда держались вместе, нас было довольно много, и местные бандюганы побаивались.

Сразу за школой находился лес, который спускался к Комсомольскому пруду. В сентябре и октябре мы нередко сбегали с уроков, чтобы там искупаться.

Педсостав я помню плохо, так как проучился в этой школе всего лишь год. Могу сказать только добрые слова в адрес учителя литературы грустного маленького еврейчика, которого звали Яков Маркович. Однажды я написал сочинение на тему «Первый день на заводе» в стихах, и после уроков он подошел ко мне и сказал, что ему понравилось. Мы стали с ним общаться, я даже побывал у него дома, он следил за моими газетными публикациями.

Яков Маркович (мы называли его ласково Морковкой) был старым холостяком. Однажды, уже отслужив в армии, я встретил его, и мы с ним выпили вина. Он растрогался, когда узнал, что у меня вышла книжка, сказал, что с самого начала понял, что меня ждёт большое будущее. Но он, к сожалению, ошибся.

Мне очень нравилась и преподаватель математики Калерия Алексеевна. Она раньше работала в Суворовском училище, но его расформировали опять-таки по велению Хру-

щёва, и она перешла в нашу школу. Это был педагог с большой буквы. Класс замирал, когда она начинала урок, и я настолько увлёкся алгеброй и геометрией, что даже стал получать пятёрки. Но это увлечение, как и увлечения рисованием, театром и шахматами, было весьма кратковременным.

Череззаборногузадержин

Когда пришло время Пасхи, всем моим одноклассникам очень хотелось посмотреть на крестный ход, на пасхальное богослужение, но директор школы строго-настрого запретил.

– Священники предупреждены, – сказал он. – Если они кого-то заметят из вас, тот будет строго наказан. Советским школьникам, комсомольцам не подобает участвовать в таких церковных праздниках.

Он, конечно же, приврал. Священники вряд ли бы стали на кого-то доносить – это не в их правилах, хотя из каждого правила существуют, разумеется, исключения. И многие из нас собрались у школы поздним вечером накануне Пасхи.

Но у забора дежурили два милиционера, и это мы не предусмотрели. Впрочем, они то исчезали, то опять появлялись. У Саши Гейдеко были часы, и он засёк время их отлучек. В среднем стражи порядка отсутствовали примерно по 15 минут. Когда они ушли в очередной раз, мы попытались влезть на забор. Но не получилось – он был очень высоким. Я встал на плечи Саши – и только тогда оседлал забор.

Это было сделано вовремя: крестный ход уже приближался к церкви.

Но тут внезапно появились милиционеры. Они увидели меня. Саша успел убежать, а я не мог спрыгнуть, так как штаны зацепились за гвоздь.

Блюстители закона подошли поближе.

– Ну что, попался, птенчик, – сказал один из них. – Как твоя фамилия? Давай слезай, поедешь с нами в отделение.

Я не хотел в отделение и отцепился от гвоздя. Но в этот момент один из милиционеров схватил меня за ногу. Я дернулся, и остался без тапочка, в который был обут. Но зато я спрыгнул с забора в кусты сирени, которые росли по другую сторону и стал недосыгаем для стражей порядка. Они подсматривали за мной в щель, но ничего сделать не могли. Я осмелел и прокричал:

– Запомните, моя фамилия – Череззаборногузадерихин.

Впрочем, возникла сразу другая проблема. Нужно было придумать, как незаметно выбраться из церкви. У входа дежурила милиция, а перспектива провести Всенощную среди верующих и молиться, как они, я не мог, поскольку был некрещёным.

Я обследовал кусты, обжёгся крапивой, но нашёл выход. Это был лаз, который прорыли собаки. Он был узкий, но я раскопал его пошире – земля была пополам с песком – и оказался с тыльной стороны храма. Дальше уже путь был свободен. Я обошел лесом церковь и школу и спокойно свернул

к своему дому. Было темно, и никто не заметил, что одна нога у меня босая.

Мама, затеяв уборку, спросила меня, куда делся мой второй тапочек. Я свалил всё на дворового щенка, который обожал ходить по гостям в нашем подъезде, где его подкармливали. Щенка звали Бром.

– Наверное, Бром утащил, – сказал я..

Тут я нисколько не погрешил против истины. Бром действительно обожал возиться со старой обувью.

Моя татарочка

В нашу дворовую компанию неожиданно влилась Люба. В жилах её текла татарская кровь, и она приехала откуда-то из глубинки. Люба чем-то меня заинтриговала. Глпза у неё были, как две черносливины.

Мы стали встречаться. Бродили по тихим вечерним улицам Ставрополя. Мы целовались, но я понимал, что Люба ещё подросток, и поцелуями всё и ограничивалось. Наверное, мне были просто нужны свободные уши. Но однажды после очередной нашей прогулки Люба сказала:

– Мама уехала. Мне страшно оставаться ночью одной. Ты не придешь ко мне?

Я понял сразу: никакого намёка на близость эта просьба не содержала. Девочке действительно было страшно. Она обращалась ко мне как к мужчине, как к своему защитнику. Её отец незадолго до этого умер от рака.

– Хорошо, – сказал я.

У меня был ключ от входной двери в свою квартиру. Когда родители уснули, я прокрался босиком в коридор, открыл дверь. До дома Любы было всего сто метров, если даже не меньше.

Я позвонил. Она стояла на пороге в ночной рубашке. Я обнял её, мы постояли так несколько минут, и я на руках отнёс Любу в спальню. Уложил её и сел рядом. Было такое ощущение, что это – моя дочь.

Мы молчали. Не знаю, о чем думала Люба и что она ожидала. Может быть, совсем даже не того, что происходило. Но мне нравилась роль заботливого отца, я вошёл в неё, и даже не собирался что-то в себе переломить.

Я гладил её волосы – чёрные, как смоль. Она была смуглой, фигура её ещё не сформировалась. Мало того, что она была хорошенькой, облик её был несколько необычен даже для такого многонационального города, как Ставрополь.

Горел ночник. Я смотрел на Любу, а она спала. Тихо и безмятежно, и я боялся пошевелиться, чтобы её не разбудить...

Мы встретились спустя много лет. Она была замужем. Пожаловалась:

– Знаешь, у меня сплошные выкидыши.

Она говорила всё это мне, как к отцу, которым я был всего только одну ночь.

Хомяк

Основы рабочей профессии мы постигали на заводе «Красный металлист». Это предприятие было одним из старейших в городе. Здесь выпускалось деревообрабатывающее оборудование, в основном станки: фрезерные, токарные, шлифовальные.

Нас заставили пройти медосмотр, а потом распределили по разным участкам. Нам с Юрой Орловым предстояло стать электросварщиками.

Реформа образования ещё не обрела реальных очертаний, особенно в части производственного обучения. На каждом предприятии оно проводилось по-разному, в зависимости от специфики. На «Красном металлисте» пошли по пути прикрепления ребят к опытным рабочим, дабы они шефствовали над ними. И это было правильно. За год мы с Юрой уже вполне могли работать самостоятельно на уровне второго, а может быть, даже третьего разряда.

Но помимо приобретения практических навыков, нужно было осваивать и теорию сварки. Её вдалбливал нам мастер производственного обучения, которого мы прозвали Хомяком. Он действительно походил на хомяка – маленький, с пухлыми щеками, с глубоко запавшими глазками-пуговицами.

Он любил рисовать мелом на доске устройство сварочного аппарата, трансформатора, подающего ток, и другие схемы. При этом часто сморкался, доставая из оттопыренных карманов пиджака большой скомканный платок. Похоже, у Хо-

мяка был хронический ринит.

Однажды я незаметно сунул в его карман, где был платок, тряпку, которой стирали с доски. Она была сухая, и мел с неё так и сыпался. Хомяк и бровью не повёл, продолжая свой рассказ о том, какие электроды предназначены для той или иной марки стали. Когда же он высморкался в тряпку, взметнулось облако мела, осыпав лицо Хомяка, как мука мельника.

Кроме нас с Юрой электросварщиками собирались стать еще примерно 10—12 юнцов из нашей и других школ города. Смеялись долго. Мастер был вне себя. Он захотел найти шутника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.